

Научная статья
УДК343.13
DOI 10.33184/pravgos-2026.1.10

Original article

НИКОЛЮК Вячеслав Владимирович
Научно-исследовательский
институт МВД России,
Москва, Россия,
nvv56@mail.ru

NIKOLYUK Vyacheslav Vladimirovich
Research Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ИНСТИТУТА ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ИЛИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

CONCEPTUALIZATION OF THE INSTITUTION OF TERMINATION OF A CRIMINAL CASE
OR CRIMINAL PROSECUTION

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена тем, что институт прекращения уголовного дела или уголовного преследования – один из наиболее законодательно редактируемых (с момента введения УПК РФ в действие в соответствующие нормы были внесены изменения и дополнения 42 федеральными законами), а исследователи предпочитают изучать частные вопросы уголовного судопроизводства, ограничивая научные интересы одним или несколькими основаниями прекращения производства по уголовному делу. Цели: рассмотреть понятия и этапы концептуализации института прекращения уголовного дела или уголовного преследования, оценить оптимальность правового регулирования данного института, внести предложения по развитию процессуальной формы прекращения уголовных дел. Основой исследования выступил метод моделирования, позволивший раскрыть особенности и состав сложного уголовно-процессуального института «прекращение уголовного дела или уголовного преследования». Результаты: на примере института прекращения уголовного дела или уголовного преследования дано понятие и определены этапы концептуализации института. С помощью собственных аргументов значительно усилена теоретическая позиция, что окончательно сформировавшимся в системе уголовно-процессуального права институтом является такая монолитная группа норм, которая, имея свою теоретическую основу, доктринально узнаваема как научная категория. Доктринальные представления об обязательных признаках правового института, включая институты уголовно-процессуального права, существенно конкретизированы. К значительным результатам проведенного исследования надлежит отнести и авторский вывод, что в качестве дополнительных признаков уголовно-процессуаль-

Abstract. The relevance of the article is due to the fact that the institution of termination of a criminal case or criminal prosecution is one of the most frequently legislatively amended (since the Criminal Procedure Code of the Russian Federation came into force, 42 federal laws have introduced amendments and additions to the relevant norms), and researchers tend to study specific aspects of criminal proceedings, limiting their scientific interests to one or several grounds for terminating criminal proceedings. Purposes: To examine the concepts and stages of conceptualizing the institution of termination of a criminal case or criminal prosecution, to assess the optimality of the legal regulation of this institution, and to make proposals for the development of the procedural form for terminating criminal cases. The research is based on the modeling method, which allows for revealing the features and composition of the complex criminal procedure institution of “termination of a criminal case or criminal prosecution”. Results: Using the example of the institution of termination of a criminal case or criminal prosecution, the article defines the concept and identifies the stages of conceptualization of the institution. The theoretical position is significantly strengthened with original arguments, asserting that a fully formed institution within the system of criminal procedure law is a monolithic group of norms that, having its own theoretical basis, is doctrinally recognizable as a scientific category. The doctrinal views on the mandatory features of a legal institution, including institutions of criminal procedure law are substantially specified. Among the significant results of the conducted research, the author’s conclusion should also be noted, which states that provisions on the legal nature, scope,

ного института учитываются положения о его правовой природе, объеме, структуре и месте в системе уголовно-процессуального права.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право, структура уголовно-процессуального права, концепция, концептуализация, правовой институт, прекращение уголовного дела, возобновление производства по уголовному делу

Для цитирования: Николук В.В. Концептуализация института прекращения уголовного дела или уголовного преследования / В.В. Николук. – DOI 10.33184/pravgos-2026.1.10 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 1. – С. 92–102.

structure, and place within the system of criminal procedure law are considered as additional features of a criminal procedure institution.

Keywords: criminal procedure law, structure of criminal procedure law, concept, conceptualization, legal institution, termination of a criminal case, resumption of criminal proceedings

For citation: Nikoluk V.V. Conceptualization of the Institution of Termination of a Criminal Case or Criminal Prosecution. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 1, pp. 92–102. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.1.10.

ВВЕДЕНИЕ

В УПК РФ выкристаллизовывается самостоятельное правовое образование, включающее комплекс норм, определяющих место и назначение в уголовном судопроизводстве процедур, обеспечивающих прекращение расследования уголовных дел по любым, как показывает правоприменительная практика, «мыслимым и немыслимым» основаниям, подробно регламентированным законом или лишь просто в нем упомянутым.

Опираясь на базовые фундаментальные теоретические представления (в процессуальной литературе, отражающей проблематику прекращения уголовных дел, наблюдается смещение доктринальных приоритетов: исследователи предпочитают изучать частные вопросы уголовного судопроизводства, ограничивая научные интересы одним или несколькими основаниями прекращения производства по уголовному делу¹), руководствуясь обширным и часто меняющимся законодательством (с момента введения УПК РФ в действие в него были внесены изменения и дополнения по вопросам прекращения уголовного дела или уголовного преследования 42 федеральными законами), учитывая разностороннюю правоприменительную практику, нередко граничащую с нарушением закона (по резуль-

татам ведомственного процессуального контроля и прокурорского надзора в 2024 г. отменено 16 832 постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) как незаконные), учитывая большую востребованность норм уголовно-процессуального закона в рассматриваемой части (ежегодно по нереабилитирующим основаниям прекращаются до 135–140 тыс. уголовных дел), принимая во внимание широкое распространение специальных оснований освобождения от уголовной ответственности подозреваемого, обвиняемого с закреплением их в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ², должностные лица и органы, осуществляющие уголовное судопроизводство, поддерживают стабильность и упорядочивают общественные отношения в случаях необходимости завершить либо возобновить производство по уголовному делу.

Структуру института прекращения уголовного дела образуют следующие компоненты: 1) первоначальное прекращение уголовного дела или уголовного преследования; 2) возобновление прекращенного уголовного дела с отменой соответствующего процессуального акта прокурором, руководителем следственного органа – внесудебный порядок (ч. 1 ст. 214, ст. 123–124 УПК РФ); 3) судебный порядок отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по истечении года с момента его вынесения (ч. 1.1 ст. 214, ст. 214.1 УПК РФ).

---

¹ Последняя монографическая работа, связанная с прекращением и возобновлением производства по уголовному делу, опубликована без малого 20 лет назад [1]. Стандарты института прекращения дела судом подробно проанализированы в специально выделенном для этого разделе докторской диссертации А.Р. Шариповой, защищенной в 2022 г. [2].

² В УК РФ предусмотрено 49 примечаний к статьям Особенной части, действие которых распространено на 53 статьи УК РФ.

В итоговом варианте нормативно-правовая основа института прекращения уголовного дела или уголовного преследования во взаимосвязи норм, ее составляющих (ст. 24, 25, 25.1, 27, 28, 28.1, 28.2, 214, 214.1, 246, 427 и гл. 29 УПК РФ), создает предпосылки для выделения данного правового образования в качестве сложного института прекращения уголовного дела или уголовного преследования. Заблуждением является суждение, что многочисленные, имеющие разную юридическую природу и фактический состав обстоятельства, которые законом позиционируются как основания прекращения производства по уголовному делу, организованы в единую бесконфликтную систему (наподобие периодической системы химических элементов Д.И. Менделеева), в которой по горизонтали выстроены реабилитирующие основания, а по вертикали – нереабилитирующие. Конечно, автор статьи прекрасно понимает условность подобного сравнения, поскольку сравниваются реальный и виртуальный объекты, используется игровой элемент для повышения качества работы с информацией. Не исключены и усмешки в адрес автора тех коллег, кто ознакомится с содержанием настоящей статьи. Однако в условиях дефицита эффективных научно-исследовательских методологий, особенно в гуманитарных науках, выбранные учеными принципы и методы решения актуальных задач теории и практики, которые привели к очевидно успешному результату, представляют ценность и потенциальную возможность их прикладного применения в абсолютно разных отраслях знаний в силу присущей им универсальности.

Если принять во внимание, что таблица Д.И. Менделеева есть наглядное и точное отражение фундаментальных законов природы, в связи с чем она ни при каких обстоятельствах не может быть волюнтаристски пополнена либо урезана, и выступает инструментом для систематизации, обучения, понимания смежных наук, можно прийти к весьма интересным выводам.

В юридической литературе представлено много классификаций оснований прекращения уголовного дела и уголовного преследования, но еще никому не удалось составить перечень указанных оснований и объявить

точное их количество. Объясняется это недостатками выбранной исследовательской методологии, переоценкой ее возможностей в поиске оснований прекращения уголовного дела или уголовного преследования, которая, как нам представляется, должна соответствовать как минимум двум требованиям:

1) адекватному действующему законодательству пониманию категории «основание прекращения уголовного дела или уголовного преследования», которое должно быть разработано юридической наукой в соответствии с принципами надлежащей компетенции и объективности исследований;

2) выбору максимально устойчивого критерия («закона природы») как инструмента, позволяющего распознавать объективно наступившие или установленные правоприменителем обстоятельства, которые могут рассматриваться в качестве оснований прекращения производства по уголовному делу.

Использование указанной методологии, смеем надеяться, будет сдерживать искусственное расширение оснований прекращения уголовного дела или уголовного преследования, препятствовать «засорению» УПК РФ мнимыми основаниями, применение которых добавит турбулентности уголовному судопроизводству, фактически постоянно пребывающему в таком состоянии по многим объективным и субъективным причинам. Кроме того, она будет сдерживать процесс стремительного заполнения условной уголовно-процессуальной таблицы квазиоснованиями прекращения производства по уголовному делу. При этом в теории уголовно-процессуального права признается целесообразным собрать все основания прекращения уголовного дела в одну норму. «В главе 4 УПК РФ необходимо указать, – считает С.Н. Перетокин, – исчерпывающий перечень статей, предусматривающих основания прекращения уголовного дела и уголовного преследования, включив туда те основания, которые можно найти в других главах УПК» [3, с. 11]. Такого же мнения придерживается А.Р. Шарипова [2].

В настоящее время таблица Д.И. Менделеева содержит 118 элементов. Последний элемент, оганесон, официально «прописался» в ней в 2016 г., предпоследний, теннессин, – в 2010 г. Если темпы роста специальных ос-

нований освобождения от уголовной ответственности, реализуемых в процессуальной форме, останутся прежними, то таблица Д.И. Менделеева и таблица оснований прекращения уголовного дела или уголовного преследования вскоре сравняются по количеству элементов.

Понятие и этапы концептуализации

Заметим, что перечень нереабилитирующих оснований прекращения уголовного дела или уголовного преследования составлен на основе условных и неоднозначных по содержанию и вкладываемому в них смыслу критериев, разбавлен нескончаемым рядом примечаний к соответствующим статьям Особенной части УК РФ, устанавливающих специальные основания аннулирования уголовно-правовых претензий к лицу, совершившему общественно опасное деяние. Их многообразие впечатляет. По мнению профессора М.С. Шалумова, с которым нельзя не согласиться, максимально оптимальный список реабилитирующих и нереабилитирующих оснований прекращения уголовного дела или уголовного преследования может быть представлен в систематизированном варианте только путем научного толкования [4, с. 85].

Окончательная концептуализация в уголовно-процессуальном праве состоящего из нескольких субинститутов института прекращения уголовного дела и уголовного преследования сопровождается качественным изменением соответствующих научных представлений, что, как правило, воплощается в теоретическую концепцию или теоретическую модель, отвечающие на вопросы: какими будет объем нормативного материала и его структура (организация) с учетом решаемых институтом прекращения уголовного дела или уголовного преследования задач? каково его место в системе досудебного производства и уголовного процесса в целом? каким образом будут выстроены взаимосвязи уголовного материального и процессуального права при выборе процессуальной формы освобождения от уголовной ответственности по специальным основаниям, предусмотренным примечаниями к соответствующим статьям Особенной части УК РФ? за счет какой юридической

инфраструктуры будет реализовываться и развиваться институт прекращения уголовного дела или уголовного преследования? какая научная методология будет применяться в ходе составления юридических прогнозов развития рассматриваемого уголовно-процессуального института?

Проведение серьезных теоретических дискуссий, монографических исследований, разработка доктринальных законопроектов с выходом на законодателя, подготовка учебников, учебных и учебно-практических пособий для специалистов в области правоведения – все это будет свидетельствовать о накоплении определенной суммы новых научных знаний, их актуализации, включении в предмет научного исследования основного (производство по уголовному делу) и дополнительных процессуальных производств (отмена процессуального акта о прекращении уголовного дела, возобновление производства по уголовному делу, судебный порядок отмены прекращения производства по уголовному делу по прошествии года с момента принятия данного решения, изучение всех компонентов института прекращения производства по уголовному делу).

Примерно так и происходит окончательная концептуализация уголовно-процессуальных институтов, стадий уголовного процесса, когда за ними закрепляется соответствующее место в структуре уголовно-процессуального права исходя из их предназначения, внутренних и внешних (межотраслевых) взаимосвязей. Анализируя этапы становления и концептуализации стадии исполнения приговора, профессор Л.В. Головкин отмечает: «окончательная концептуализация стадии исполнения приговора, ее объема, структуры, места в системе уголовного процесса и т. д. произошла уже в советский период, причем особенно бурно после принятия УПК РСФСР 1960 г.» [5, с. 1249].

Такая постановка вопроса о критериях, признаках уголовно-процессуальных институтов обоснованна. Иначе, что нередко встречается в практике законодательства, УПК РФ будет наполнен нормами-пустышками, «мертвыми» нормами, которые приняты в спешке, в порядке реагирования на резонансные события, происходившие либо происходящие в стране. Чаше подобные «доро-

гостоящие казусы» появляются в законе как следствие ангажированных квази-социально-политических кампаний, чьи идеологи-кураторы либо вовсе игнорируют научную составляющую законопроектов, либо «работают под прикрытием», страшась получением формальных лояльных отзывов (заклучений) как из научно-исследовательских учреждений, так и от сердобольных ученых.

Убедительная иллюстрация к изложенному – введение Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ в УПК РФ главы 32.1 «Дознание в сокращенной форме», против чего выступала профессионально подготовленная группа сотрудников МВД России – практиков и ученых. В последующем дознание в сокращенной форме дискредитировало себя как самостоятельный уголовно-процессуальный институт, в нем проявилась «инквизиционность», а сама юридическая конструкция дознания в сокращенной форме воспринимается не иначе как «откат назад» и возвращение к средневековому уголовному процессу, когда главным доказательством вины служило ее признание [5, с. 847–849].

Удивительно, что дознание в сокращенной форме, порицаемое и отвергнутое на доктринальном уровне, проявляет завидную живучесть и остается легальной формой установления обстоятельств преступления вопреки многочисленным прогнозам [6, с. 33–48; 7, с. 72–90; 8]. Во многом в этом заслуга дознавателей, демонстрирующих чудеса «процессуальной эквилибристики» в процессе применения норм УПК РФ, чтобы сгладить его пороки.

Анализ научных публикаций нескольких последних лет показывает, что в них авторы предпринимают попытки исследовать частные, локальные аспекты функционирования института прекращения уголовного дела или уголовного преследования. Взятые в отдельности («вырванные из текста»), они не в состоянии раскрыть специфику такого сложного правового регулятора общественных отношений, каким является «мегаинститут» прекращения уголовного дела или уголовного преследования, объединяющий группу норм УПК РФ и УК РФ. Причем практика прекращения уголовного дела по реабилитирующим и нереабилитирующим основаниям на досудебных стадиях уголовного процес-

са или в суде заранее трудно просчитываема. «Скачкообразность» при применении отдельных оснований прекращения уголовного дела также часто неподвластна юридическим прогнозам. Для более полного уяснения масштаба феномена «прекращение уголовного дела или уголовного преследования» в структуре уголовного процесса, объема фактической уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой в связи с применением норм УПК РФ, входящих в один из самых сложных и политически ангажированных правовых институтов, представляется целесообразным обратиться к литературным источникам. Их краткий обзор позволит определить компоненты института прекращения уголовного дела или уголовного преследования, которые можно охарактеризовать как теоретически мало либо хорошо разработанные, а также неизученные совсем. Последние принято называть «белыми пятнами».

Логично в начале указанного экскурса подчеркнуть важность в доктринальном и учебно-методическом аспектах соответствующих выводов и экспертных научных заключений по ключевым вопросам института прекращения уголовного дела и уголовного преследования. В частности, в монографических исследованиях А.Я. Дубинского, Г.П. Химичевой, О.В. Мичуриной, О.В. Химичевой, Е.Г. Васильевой прослеживается позиция, согласно которой прекращение уголовного дела выступает не только в качестве решения, завершающего производство по уголовному делу, и не носит сугубо технического характера, но и является одной из форм окончания предварительного расследования. Учеными также обоснована точка зрения о понимании процессуального акта прекращения уголовного дела как процессуального решения, порождающего различные уголовно-процессуальные и уголовно-правовые последствия [9, с. 25–75; 10, с. 13; 11, с. 239].

Серьезным научным исследованием, не потерявшим актуальности, является монография Л.В. Головки о проблемах реализации в уголовном судопроизводстве альтернативных уголовному преследованию мер, освобождающих лицо, совершившее преступление, от уголовной ответственности [12, с. 205–224, с. 443–461]. В контексте проводимого иссле-

дования института прекращения уголовного дела или уголовного преследования большую информационную ценность представляет раздел монографии, посвященной процессуальным формам освобождения от уголовной ответственности, а также соотношению понятий «прекращение уголовного дела» и «прекращение уголовного преследования».

В юридической литературе также основательно проработаны вопросы условий и порядка прекращения уголовных дел в зависимости от конкретных оснований и самих оснований прекращения [11, с. 239; 13, с. 20–36].

Оригинальную позицию по вопросу о правовой природе института освобождения от уголовной ответственности отстаивает А.В. Ендольцева. По ее мнению, данный институт является межотраслевым правовым институтом, представляющим собой комплексное материально-процессуальное образование в виде системы уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм, регулирующих однородные общественные отношения. Кроме того, А.В. Ендольцева считает целесообразным переименовать новый институт, назвав его институтом освобождения от уголовного преследования, и в дальнейшем использовать это название в соответствующих статьях УПК РФ [14, с. 19–20]. Признавая существующие проблемы взаимоотношений уголовного материального и процессуального права, на стыке которых исследуются межотраслевые правовые образования, все же полагаю, что замена термина «освобождение от уголовной ответственности» на «освобождение от уголовного преследования» принципиально не может изменить правовую природу рассматриваемых феноменов. Более того, понятие уголовного преследования относится к области уголовно-процессуального права и уголовного процесса, в связи с чем им осторожно пользуются представители теории уголовного права.

Будучи сторонниками курса на повышение эффективности уголовно-процессуальной деятельности, О.В. Качалова и В.И. Качалов придерживаются следующей позиции: «Требования эффективности уголовного судопроизводства диктуют условия, при которых уголовно-правовой конфликт должен быть разрешен в скорейшие сроки и с наименьшими затратами» [15, с. 30]. Поддерживая авторов

в стремлении не допустить неоправданного, «невынужденного» удорожания уголовно-процессуальной деятельности, связанной с прекращением уголовных дел, исключить волокиту при их рассмотрении судом, трудно понять, каким образом эти установки начнут действовать и что заставит их работать, какие стимулы потребуются для разрешения уголовно-правового конфликта на основе компромисса, при разумном балансе частных и публичных интересов, без осуждения лица, совершившего преступление. Об этом мечтает каждый правоприменитель. Нормы института прекращения уголовного дела или уголовного преследования никаких прямых предписаний по данному поводу не содержат и не способны зеркально изменить практику прекращения уголовных дел с приятием указанных решений дознавателем, следователем.

В изложенной позиции прослеживается уже неоднократно заявленная и предлагаемая в уголовно-процессуальной теории идея медиации, рассматриваемая отдельными учеными как самостоятельный правовой институт с большинством элементов уголовно-процессуальной природы. УПК РФ «не продвинулся» в данном направлении. Заменяющие медиацию в сфере уголовного процесса правовые инструменты, регулируемые ст. 28 УПК РФ, ничем себя не дискредитировали. Оценивать же их эффективность следует, применяя соответствующие методики, активно разрабатываемые в последнее время в теории уголовного-процессуального права [16; 17; 18].

В статье Ю.В. Кувалдиной анализируются способы преодоления конкуренции институтов, закрепленных в ст. 25 и 25.1 УПК РФ. По мнению автора, целесообразно предусмотреть в законе положение, что дело о преступлении, которым потерпевшему причинен вред, прекращается в связи с назначением судебного штрафа только в случае недостижения сторонами примирения [19, с. 25–26]. Смысл предлагаемой корректировки УПК РФ в рассматриваемой части понятен, и не трудно догадаться, какие аргументы может привести автор в обоснование своей точки зрения. Однако при таком подходе фактически стирается грань между самостоятельными видами прекращения уголовных дел и они становятся взаимозаменяемыми.

Субинститут прекращения уголовного дела с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (ст. 25.1 УПК РФ), история которого пишется прямо на наших глазах, обнажил ряд системных проблем уголовного досудебного и судебного производства, в эпицентре которого оказались незаконные действия дознавателя, следователя, прокурора, судьи, связанные с применением соответствующих норм УК РФ и УПК РФ [20]. Находясь под жестким администрированием, практика назначения судебного штрафа в качестве иной меры уголовно-правового характера складывалась стихийно и отличалась массовыми нарушениями, что привело к снижению интереса к данной мере со стороны органов уголовной юстиции. Так, в 2022 г. было вынесено 5524 решения о назначении судебного штрафа, в 2023 г. – 2783, в 2024 г. – 2092. Для сравнения укажем, что еще в 2019 и 2020 г. судебный штраф был назначен соответственно 30,2 тыс. и 32,4 тыс. лицам.

Значительная часть исследователей и практических работников искренне убеждены в оптимальности закрепленной в ст. 75.1 УК РФ, ст. 25.1 УПК РФ конструкции «судебный штраф» без подтверждения и проверки этой позиции эмпирическим путем. Глядя на статистику первых нескольких лет после того, как судебный штраф получил «прописку» в Федеральном законе от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ, может возникнуть ошибочное мнение, что анализируемая мера уголовно-правового воздействия работает как «швейцарские часы», ежегодно расширяет круг подозреваемых и обвиняемых, подвергаемых судебному штрафу. В данном случае неправильное прочтение статистических отчетов искажает реальную картину правоприменения, а значит, может спровоцировать несвоевременность и неадекватность реагирования на складывающуюся криминологическую ситуацию.

В продолжение сказанного подчеркнут актуальность приведения к единому знаменателю ряда статистических отчетов, которые, к примеру, адаптированы к деятельности уголовной юстиции, ведутся всеми субъектами, реализующими функцию борьбы с преступностью, частично дублируются, а иногда и расходятся в оценке актуальности конкретных показателей. На этом фоне объяснима позиция

отдельных авторов, которые, словно фанаты, уверовавшие в способность своего «кумира» к самогенерации, утверждают о широком распространении в судебной практике штрафа в качестве иной меры уголовно-правового характера. Однако сектор ее присутствия в уголовной политике, как отмечалось ранее, резко сократился и стал символическим.

Еще один важный аспект института прекращения уголовного дела или уголовного преследования стал чаще упоминаться в юридической литературе в связи с признанием Конституционным Судом РФ постановлением от 18 июля 2022 г. № 33-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта "в" части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Рудникова» несоответствующими Основному закону страны ч. 2 ст. 27 УПК РФ и п. «в» ч. 1 ст. 78 УК РФ. Обсуждаются фактически два вопроса: 1) на каком основании прекращать уголовное дело в случае прекращения уголовного преследования по ч. 2.2 ст. 78 УПК РФ; 2) допустимо ли прекращать уголовное преследование в порядке ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ не в связи с непричастностью, а по иным реабилитирующим основаниям [21, с. 54–55].

Таким образом, «плотность» научных изысканий по вопросам прекращения и возобновления производства по уголовному делу более чем скромна. В текущий момент интенсивных теоретических исследований указанная проблематика не разрабатывается. Появляющиеся на страницах юридической печати статьи, тезисы докладов и сообщений, издаваемые по итогам состоявшихся конференций, частично приоткрывают завесу над ситуациями правовой неопределенности, которые выявляются в ходе применения норм УПК РФ. Очевидный минус подобного научного сопровождения одного из самых рабочих, сложных и несущих на себе огромную процессуальную нагрузку правовых механизмов – института прекращения уголовного дела или уголовного преследования – заключается в разрозненности осуществляемых теоретических разработок, отсутствии их координации, хроническом увлечении «мелкотемьем», пассивности и боязни исследователей приступить к подготов-

ке фундаментального теоретического труда с включением в предмет его рассмотрения всех субинститутов.

Откровенно слабую степень научной работанности института прекращения уголовного дела или уголовного преследования во многом восполняют научные исследования А.Р. Шариповой, характеризующиеся высокой информативностью, нетрадиционным подходом в восприятии ряда ключевых понятий (к ним относится и понятие прекращения уголовного дела и уголовного преследования) процессуальных отраслей права [2].

На фоне нелестной характеристики научно-теоретической составляющей института прекращения уголовного дела или уголовного преследования еще более удручающими выглядят перспективы внедрения и адаптации судебной процедуры возобновления производства по прекращенному уголовному делу спустя год после принятия решения о его прекращении (ч. 1.1 ст. 214, ст. 214.1 УПК РФ). Указанный правовой феномен удивительным образом не попадает в сферу научных интересов большинства исследователей, хотя пересекается со многими уголовно-процессуальными институтами и может позиционироваться как субинститут сложного института прекращения уголовного дела или уголовного преследования. Более того, он натурализовался в УПК РФ в порядке реализации соответствующей правовой позиции Конституционного Суда РФ, сформулированной в постановлении от 14 ноября 2017 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.И. Бондаренко».

В связи с этим в контексте интерпретации и практического применения ч. 1.1 ст. 214, ст. 214.1 УПК РФ актуализировались вопросы следующего плана: какое место среди основного, особых и дополнительных уголовно-процессуальных производств занимает судебная процедура получения разрешения об отмене постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования как производство со специфическими задачами и стадийностью? каковы предпосылки для автономизации и нормативного обособления в структуре уголовного процесса

процессуальной формы получения судебного разрешения на отмену процессуального акта о прекращении производства по уголовному делу? можно ли положениями одной статьи УПК РФ (ст. 214.1), состоящей из шести частей, половина из которых представлены одним предложением и, по сути, являются техническими предписаниями (например, направление копий судебных решений различным адресатам, установление сроков обжалования), исчерпывающе регламентировать многогранные общественные отношения, возникающие в указанном сегменте уголовного судопроизводства? какими нормами УПК РФ следует руководствоваться, применяя их по аналогии закона при необходимости преодоления пробела в регулировании производства по разрешению судом вопроса об отмене постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования? Поставленные вопросы нельзя отнести даже к малоисследованным, поскольку в уголовно-процессуальной теории их специально не касался ни один из современных ученых [22; 23; 24; 25; 26]. Поэтому здесь как раз и можно вспомнить о «белых пятнах» в уголовно-процессуальной науке.

В юридической литературе встречается также позиция, согласно которой судебный порядок отмены постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по истечении года с момента его вынесения распространяется только на категорию дел, прекращенных по реабилитирующим основаниям [22, с. 37]. До принятия Федерального закона от 12 ноября 2018 г. № 411-ФЗ подобная точка зрения имела право на существование, поскольку до внесения изменений в УПК РФ правоприменитель руководствовался правовой позицией Конституционного Суда РФ, изложенной в постановлении от 14 ноября 2017 г. № 28-П.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современном уголовно-процессуальном праве феномен прекращения уголовного дела или уголовного преследования, если воспользоваться бальзаковским слогом, является яркой иллюстрацией его «блеска и нищеты». И пусть излишне эмоциональный читатель не возмущается столь вольным обращением.

«Блеск и нищета» – выражение, используемое для описания явлений, сочетающих в себе внешнее величие, показной успех и внутренний упадок, пустоту, как никакое иное подходит к характеристике нынешнего состояния института прекращения уголовного дела.

В чем «блеск» акта прекращения уголовного дела? Думается, в первую очередь в том, что именно он, как никакой иной уголовно-процессуальный акт, своей природой напоминает акт высшей силы, венец процессуальной деятельности – приговор. Постановление или определение о прекращении уголовного дела, как и приговор, призвано разрешить уголовное дело по существу, от прямого подчеркивания чего многие авторы по какой-то причине, даже как бы несколько стыдливо, предпочитают уклоняться. А между тем с 2015 по 2024 г. общее количество лиц, в отношении которых судами уголовные дела были прекращены по реабилитирующим и нереабилитирующим основаниям, составило 1 млн 837 тыс. 757, или 27 % от общего числа подсудимых по всем уголовным делам.

Несмотря на свое решающее значение, внешнюю близость к приговору, акт прекращения уголовного дела – это все-таки не приговор. И в этом его слабость. В современной парадигме уголовно-процессуального закона, которая во многом характерна для нашей правовой традиции, акт прекращения уголовного дела – единоличное решение следователя-чиновника, представителя исполни-

тельной власти, продукт его индивидуального «миропонимания» (в процессуальном смысле, конечно). По сути, прекращая уголовное дело, следователь или дознаватель становятся вровень с судом, определяя границы правосудия. И вот в этом акт прекращения уголовного дела ни в какое сравнение не может идти с приговором – результатом судебного разбирательства, в ходе которого стороны имели возможность высказаться и отстоять свои интересы.

Являясь реально альтернативной формой разрешения уголовного дела, нормы указанного правового массива представляют собой мощнейший политико-правовой инструмент, распоряжаясь которым недобросовестный пользователь может произвольно, в угоду конъюнктурным предпочтениям правоохранительных органов, их ложным интересам «вершить» суррогат правосудия в обход суда. Руководствуясь указанными мотивами, органы предварительного расследования и прокурор, формально оставаясь в рамках процессуальных форм, предусмотренных УПК РФ, с помощью жесткого администрирования могут, наоборот, перегрузить судебную систему. Причем в первом случае, когда процессуальный акт о прекращении уголовного дела подменяет собой приговор, разрешение уголовного дела не подразумевает соблюдения хоть каких-то гарантий прав личности, включая презумпцию невиновности, действие которой оговорено и в Конституции РФ, и в УПК РФ исключительно по отношению к приговору.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Волынская О.В. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования : монография / О.В. Волынская. – Москва, 2007. – 351 с.
2. Шарипова А.Р. Концептуальные основы межотраслевой конвергенции в судебном производстве по уголовным делам : дис. ... д-ра юрид. наук : 5.1.4 / А.Р. Шарипова. – Нижний Новгород, 2022. – 503 с.
3. Перетокин С.Н. Охрана прав и свобод человека и гражданина при прекращении уголовного дела : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / С.Н. Перетокин. – Москва, 2006. – 25 с.
4. Шалумов М.С. Некоторые вопросы обеспечения процессуального порядка прекращения судом уголовного дела по нереабилитирующему основанию / М.С. Шалумов // Российское правосудие. – 2025. – № 2. – С. 82–92.

REFERENCES

1. Volynskaya O.V. Termination of Criminal Cases and Criminal Prosecution. Moscow, 2007. 351 p.
2. Sharipova A.R. Conceptual Foundations of Inter-Sectoral Convergence in Criminal Proceedings. *Doct. Diss.* Nizhny Novgorod, 2022. 503 p.
3. Peretokin S.N. Protection of Human and Civil Rights and Freedoms Upon Termination of Criminal Cases. *Cand. Diss. Thesis.* Moscow, 2006. 25 p.
4. Shalumov M.S. Some Issues of Ensuring the Procedural Procedure for the Termination of a Criminal Case by a Court on a Non-Rehabilitating Basis. *Russian Justice*, 2025, no. 2, pp. 82–92. (In Russian).
5. Golovko L.V. (ed.). Course of Criminal Procedure. Moscow, 2021. 1328 p.

5. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. – Москва, 2021. – 1328 с.
6. Пиюк А.В. Роль суда в доказывании обстоятельств уголовного дела в современном уголовном судопроизводстве Российской Федерации : монография / А.В. Пиюк. – Москва, 2020. – 256 с.
7. Свиридов М.К. Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в Российской Федерации : монография / М.К. Свиридов, А.В. Пиюк. – Томск, 2019. – 345 с.
8. Филиппов Д.В. Сокращенное дознание следует заменить новой формой расследования преступлений – особым порядком досудебного производства / Д.В. Филиппов // Труды Академии управления МВД России. – 2023. – № 3 (67). – С. 167–175.
9. Дубинский А.Я. Прекращение уголовного дела в стадии предварительного расследования / А.Я. Дубинский. – Киев, 1975. – 132 с.
10. Химичева Г.П. Окончание предварительного расследования прекращением уголовного дела : монография / Г.П. Химичева, О.В. Мичурина, О.В. Химичева. – Рязань, 2001. – 107 с.
11. Васильева Е.Г. Правовые и теоретические проблемы прекращения уголовного преследования и производства по уголовному делу / Е.Г. Васильева. – Москва, 2006. – 312 с.
12. Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве : монография / Л.В. Головки. – Санкт-Петербург, 2002. – 544 с.
13. Букша Н.Ю. Назначение института прекращения уголовного дела и уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве : научно-практическое пособие / Н.Ю. Букша. – Краснодар, 2005. – 112 с.
14. Ендольцева А.В. Институт освобождения от уголовной ответственности: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08, 12.00.09 / А.В. Ендольцева. – Москва, 2005. – 50 с.
15. Качалова О.В. Прекращение уголовного преследования и вопросы эффективности уголовно-процессуальной деятельности / О.В. Качалова, В.И. Качалов // Российская юстиция. – 2025. – № 6. – С. 37–45.
16. Даровских О.И. Теоретические, правовые и организационные основы обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / О.И. Даровских. – Челябинск, 2022. – 538 с.
17. Диваев А.Б. Теоретические основы эффективности уголовно-процессуального воздействия / А.Б. Диваев // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2023. – № 2 (95). – С. 184–191.
18. Диваев А.Б. Юридическое прогнозирование и эффективность уголовно-процессуального воздействия / А.Б. Диваев // Уголовная юстиция. – 2024. – № 23. – С. 54–62.
19. Кувалдина Ю.В. Конкуренция некоторых реабилитирующих оснований прекращения уголовного дела: есть ли проблема? / Ю.В. Кувалдина // Российский судья. – 2025. – № 10. – С. 21–26.
20. Николюк В.В. Прекращения уголовных дел органами предварительного расследования: политико-правовые вопросы / В.В. Николюк // Уголовный процесс и криминалистика. Правовые основы, теория, практика, дидактика (к 90-летию со дня рождения профессора В.А. Михайлова) : сборник / под ред. Ю.В. Гаврилина, Б.Я. Гаврилова, Л.В. Лазаревой. – Москва : Академия управления МВД России, 2025. – С. 77–83.
6. Piyuk A.V. The Role of the Court in Proving the Circumstances of a Criminal Case in Modern Criminal Proceedings in the Russian Federation. Moscow, 2020. 256 p.
7. Sviridov M.K., Piyuk A.V. Theoretical Foundations of Simplifying the Forms of Resolution of Criminal Cases by the Court in the Russian Federation. Tomsk, 2019. 345 p.
8. Filippov D.V. Reduced Inquiry Should be Replaced by a New Form of Investigation of Crimes – a Special Procedure for Pre-trial Proceedings. *Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 3 (67), pp. 167–175. (In Russian).
9. Dubinsky A.Ya. Termination of a Criminal Case at the Preliminary Investigation Stage. Kyiv, 1975. 132 p.
10. Khimicheva G.P., Michurina O.V., Khimicheva O.V. Termination of a Preliminary Investigation by Termination of a Criminal Case. Ryazan, 2001. 107 p.
11. Vasilyeva E.G. Legal and Theoretical Problems of Termination of Criminal Prosecution and Proceedings in a Criminal Case. Moscow, 2006. 312 p.
12. Golovko L.V. Alternatives to Criminal Prosecution in Modern Law. Saint Petersburg, 2002. 544 p.
13. Buksha N.Yu. Purpose of the Institute of Termination of Criminal Cases and Criminal Prosecution in Russian Criminal Proceedings: Scientific and Practical Manual. Krasnodar, 2005. 112 p.
14. Endoltseva A.V. Institute of Exemption from Criminal Liability: Theoretical, Legislative, and Law Enforcement Problems. *Doct. Diss. Thesis*. Moscow, 2005. 50 p.
15. Kachalova O.V., Kachalov V.I. Termination of Criminal Prosecution and the Issues of Efficiency of the Criminal Procedure Activities. *Russian Justice*, 2025, no. 6, pp. 37–45. (In Russian).
16. Darovskikh O. I. Theoretical, Legal, and Organizational Foundations for Ensuring the Efficiency of Criminal Procedure Activity. *Doct. Diss.* Chelyabinsk, 2022. 538 p.
17. Divaev A.B. Theoretical Foundations of the Effectiveness of Criminal Procedural Impact. *Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov*, 2023, no. 2 (95), pp. 184–191. (In Russian).
18. Divaev A.B. Legal Forecasting and Effectiveness of Criminal Procedural Impact. *Russian Journal of Criminal Law*, 2024, no. 23, pp. 54–62. (In Russian).
19. Kuvaldina Yu.V. Competition Between Some Non-Exonerating Criminal Case Termination Grounds: Is There a Problem? *Russian Judge*, 2025, no. 10, pp. 21–26. (In Russian).
20. Nikolyuk V.V. Termination of Criminal Cases by Preliminary Investigation Bodies: Political and Legal Issues. In Gavrilin Yu.V., Gavrillov B.Ya., Lazareva L.V. (eds.). *Criminal Procedure and Forensic Science. Legal Foundations, Theory, Practice, Didactics (on the 90th Anniversary of the Birth of Professor V.A. Mikhailov)*. Collection. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2025, pp. 77–83. (In Russian).
21. Dulkarnaev M. S. Termination of Criminal Prosecution Outside the Statute of Limitations: Law Enforcement Issues. *Criminal Procedure*, 2025, no. 8, pp. 54–58. (In Russian).

21. Дулкарнаев М.С. Прекращение уголовного преследования за пределами срока давности : вопросы правоприменения / М.С. Дулкарнаев // Уголовный процесс. – 2025. – № 8. – С. 54–58.

22. Ларин Е.Г. Новые правила отмены постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по реабилитирующим основаниям / Е.Г. Ларин, А.В. Павлов // Законодательство и практика. – 2018. – № 1 (40). – С. 37–40.

23. Угольникова Н.В. Обоснованность возобновления прекращенного уголовного дела / Н.В. Угольникова // Академическая мысль. – 2019. – № 3 (8). – С. 32–34.

24. Аристархов А.Л. Особенности применения ст. 214.1 УПК РФ в досудебном производстве / А.Л. Аристархов // Российское правосудие. – 2022. – № 2. – С. 89–95.

25. Канцеляров А.В. Суд как гарант реабилитации граждан, подвергнутых незаконному уголовному преследованию / А.В. Канцеляров, Д.В. Васильев // Законность. – 2022. – № 12. – С. 34–36.

26. Ендольцева А.А. Судебно-контрольные процедуры в досудебном производстве по уголовному делу : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / А.А. Ендольцева. – Москва, 2023. – 268 с.

22. Larin Ye.G., Pavlov A.V. New Regulations of Canceling a Court Order on Dismissal of a Criminal Case (Criminal Prosecution) on Rehabilitating Grounds. *Legislation and Practice*, 2018, no. 1 (40), pp. 37–40. (In Russian).

23. Ugolnikova N.V. The Justification for the Resumption of a Discontinued Criminal Case. *Academic Thought*, 2019, no. 3 (8), pp. 32–34. (In Russian).

24. Aristarkhov A.L. Features of the Application of Article 214.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in Pre-trial Proceedings. *Russian Justice*, 2022, no. 2, pp. 89–95. (In Russian).

25. Kantselyarov A.V., Vassiliev D.V. The Court as the Guarantor of Rehabilitation of the Citizens Exposed to Unlawful Criminal Prosecution. *Zakonnost*, 2022, no. 12, pp. 34–36. (In Russian).

26. Endoltseva A.A. Judicial Control Procedures in Pre-Trial Proceedings in a Criminal Case. *Cand. Diss. Moscow*, 2023. 268 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Николюк Вячеслав Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolyuk Vyacheslav Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher.

Статья поступила в редакцию 06.02.2026; одобрена после рецензирования 25.02.2026; принята к публикации 25.02.2026. The article was submitted 06.02.2026; approved after reviewing 25.02.2026; accepted for publication 25.02.2026.